

РОБЕРТ КЕННЕДИ

13 ДНЕЙ

ДО

АПОКАЛИПСИСА

ХРОНИКА
КАРИБСКОГО
КРИЗИСА

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Роберт Фрэнсис Кеннеди

**13 дней до Апокалипсиса.
Хроника Карибского кризиса**

«Алисторус»

1967

УДК 94(47+57)"1962"
ББК 66.4(0)

Кеннеди Р.

13 дней до Апокалипсиса. Хроника Карибского кризиса /
Р. Кеннеди — «Алисторус», 1967 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-411-2

Карибский кризис («Кубинский ракетный кризис») в октябре 1962 года - самый опасный момент в отношениях США и СССР, который мог привести к глобальной ядерной войне. Кризис был вызван размещением Советским Союзом баллистических и тактических ракет (в том числе с атомными боеголовками) на Кубе, в непосредственной близости от побережья США. Об этих событиях рассказывает Роберт Кеннеди. Генеральный прокурор США с 1961 по 1964 год, младший брат президента Джона Кеннеди. Рассказ Роберта Кеннеди полон драматических подробностей о том, как мир стоял на пороге Апокалипсиса, когда, по минимальным оценкам, в один день могло погибнуть до 80 миллионов человек. Кеннеди пишет и об уроках Карибского кризиса, не потерявших значения до наших дней. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47+57)"1962"
ББК 66.4(0)

ISBN 978-5-00269-411-2

© Кеннеди Р., 1967
© Алисторус, 1967

Содержание

Введение	6
Начало кризиса	7
Заверения Хрущева	8
Донесения разведки	10
Совещание правительства	11
Мнение военных	14
Визит Громыко	16
Решение о блокаде	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Роберт Кеннеди
13 дней до Апокалипсиса.
Хроника Карибского кризиса

Документальный триллер

Серия «Документальный триллер»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

© Брукс И., перевод, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение

В период кубинского кризиса я узнал и полюбил Роберта Кеннеди, и стал его поклонником. За несколько недель до смерти он попросил меня набросать кое-какие воспоминания об этом периоде. Вот, что я тогда написал:

«Как известно, осенью 1962 года Советы расположили на Кубе наступательное оружие, включая баллистические ракеты. Мир очутился – как многие из нас тогда считали, и как впоследствии было признано всеми, – перед угрозой катастрофической войны, самой серьезной со времени наступления атомного века. По словам премьер-министра Макмиллана, эти несколько недель кризиса были самым напряженным периодом, который он пережил за десятки лет государственной службы, включая вторую мировую войну.

В эти критические дни правительство Соединенных Штатов проявило более интенсивную деятельность, чем в любой другой период моего семилетнего пребывания на посту министра обороны. Правительственные органы: государственный департамент, гражданские и военные руководители министерства обороны, ЦРУ, сотрудники Белого Дома, – работали гладко и согласованно. В большой степени – благодаря усилиям Роберта Кеннеди. Именно он, пользуясь доверием брата, согласовывал нашу работу, подводил итоги, и способствовал оформлению рекомендаций, представленных президенту.

Но роль Роберта Кеннеди далеко не ограничивалась заданиями административными. Когда встала дилемма политического порядка: разрушить ли ракеты массовой атакой с воздуха и на суше или применить средство гораздо менее рискованное – морскую блокаду, – он выступил решительным сторонником блокады.

Сторонником блокады он был потому, что понимал, что предпочитаемая многими атака с воздуха и на суше повлечёт за собой смерть тысяч ни в чем не повинных кубинских мирных жителей и тысяч американских солдат. Он понимал также, что она несет в себе риск использования против Соединенных Штатов расположенного на Кубе ядерного оружия, а также – применения Советским Союзом репрессивных мер против Берлина и других уязвимых пунктов на периферии Североатлантического союза.

Он был противником внезапного массированного нападения великой державы на малую и потому, что считал это бесчеловечным, противным нашим традициям и идеалам, считал жестокостью, которую мир нам никогда не простит.

Он понимал, что, охраняя наши жизненные интересы, президент США должен прежде всего стремиться к предотвращению столкновений между атомными державами, чреватых термоядерной катастрофой.

Цель была – заставить русских удалить с Кубы ракеты, не прибегая к войне, и цель эта была достигнута. Достигнута она была благодаря политической стратегии, применяемой его братом, оформлению которой он способствовал, стратегии, заключавшейся в том, чтобы оказывать на Советы давление, но не загонять в тупик, не ставить их в положение, чреватое пагубной, иррациональной, ускользающей из-под контроля реакцией.

Как в концепции, так и в применении этой политической стратегии, Роберт Кеннеди оказался искусным дипломатом. Когда поступило от Хрущева два противоречивых послания, одно – благоприятное, а другое – неблагоприятное, по совету Роберта Кеннеди было решено ответить только на первое и не отвечать на второе. Это он, фактически, составил проект ответа, в котором перечислялись приемлемые для нас пункты соглашения, с ссылкой на различные, часто разнородные, советские послания. Именно эти пункты и легли в основу конечной договоренности.

Роберт С. Макнамара

Начало кризиса

Во вторник утром 16 октября 1962 года, в девять часов с минутами, президент Кеннеди позвонил мне и попросил прийти в Белый Дом. Он сказал мне только, что у нас крупные неприятности. Немного спустя, у себя в кабинете, он сообщил мне, что один из наших самолетов «У-2» только что вернулся из фоторазведочной командировки и что разведывательные органы пришли к убеждению, что Советский Союз размещает на Кубе ракеты и ядерное оружие.

Джон и Роберт Кеннеди

Так начался кубинский кризис, столкновение двух атомных гигантов, доведшее мир до края пропасти, до угрозы ядерного разрушения и конца человеческого рода. С этого момента в кабинете у президента Кеннеди вплоть до воскресенья утром, 28 октября, – кризис этот стал всей моей жизнью, а также – жизнью американцев, и русских, и вообще всех людей на свете.

В то же утро, в 11.45, в зале заседаний совета министров, Центральное разведывательное управление сделало официальный доклад некоторым из главных членов правительства. Нам показали фотографии. Эксперты развернули карты и указали на некоторые пункты. Если всмотреться внимательно – заявили они – можно увидеть, что в поле, недалеко от Сан-Кристобаля на Кубе, строится ракетная база...

Лично мне приходилось верить им на слово. Я тщательно разглядывал эти снимки, но то что я видел, походило всего лишь на расчищенный участок поля, который мог бы с таким же успехом служить фундаментом для какой-нибудь фермы или дома. Позже я с облегчением узнал, что точно так же реагировали все присутствовавшие на собрании, включая президента Кеннеди. Несколько дней спустя, когда работа на этом участке подвинулась, он даже заметил, что участок похож на футбольную площадку.

Заверения Хрущева

Господствующим на собрании чувством было величайшее изумление. Никто не предполагал и не предвидел, что русские станут располагать на Кубе ракеты класса «земля-земля». Я вспомнил встречу с советским послом Анатолием Добрыниным в моем бюро несколько недель назад. Он приходил сообщить, что русские готовы подписать договор о запрещении надземных ядерных испытаний, если мы договоримся по некоторым пунктам, касающимся испытаний подземных. Я ответил, что передам это предложение – вместе с сопроводительными документами – президенту Кеннеди.

Тогда же я прибавил, что все мы, члены правительства, глубоко озабочены масштабом военного оборудования, поставляемого Кубе. В то самое утро мне как раз пришлось обсуждать этот вопрос с президентом Кеннеди, государственным секретарем и министром обороны. По некоторым признакам можно было предполагать, что помимо стартовых позиций ЗУР (зенитных управляемых ракет), русские строят – под видом рыбацкого поселка – крупную судоверфь и базу для подводных лодок. За всем этим мы установили тщательное наблюдение: через агентов на Кубе, посылавших хотя и неполные, но все же порой существенные донесения о военных сооружениях, путем опроса прибывающих во Флориду беженцев, – разумеется, после тщательной проверки их благонадежности, – а также, с помощью разведочных самолетов «У-2».

Предвыборная кампания была в полном разгаре. Осенние месяцы – сентябрь и октябрь – протекали в атмосфере взаимных нападок и обвинений. Республиканская партия заявляла, что «смотрит с тревогой» на то, что Соединенные Штаты не принимают нужных мер для обеспечения своей безопасности. Некоторые – как, например, сенатор штата Индиана Гомер Е. Кэйпхарт, – предлагали приступить к военной интервенции.

Я сказал Добрынину, что президент Кеннеди глубоко озабочен происходящим. Посол ответил, что для этого нет оснований. Председатель совета министров СССР Н. С. Хрущев уполномочил его заверить президента Кеннеди, что ни ракет класса «земля-земля», ни другого какого-либо наступательного вооружения, на Кубу поставлено не будет. Кроме того, – заявил он, – я могу заверить президента, что и упомянутое военное строительство так же значения не имеет. Хрущев не сделает ничего такого, что могло бы подорвать отношения между нашими странами в предвыборный период. Хрущев – добавил посол – питает симпатию к президенту Кеннеди и отнюдь не желает ставить его в затруднительное положение.

Я заметил, что симпатию свою Хрущев выражает весьма странным образом. Деятельность русских на Кубе вызывает в Соединенных Штатах глубокое беспокойство. Чего стоят заверения в дружбе одновременно с деятельностью военного характера в районе Карибского моря?

Я прибавил, что мы внимательно следим за развитием положения. Пусть он знает, что размещение советским Союзом на Кубе ракет повлечет за собой самые серьезные последствия. «Этого никогда не будет» – успокоил он меня – и ушел.

Я доложил об этом разговоре президенту Кеннеди, государственному секретарю Дину Раску и министру обороны Макнамаре. Они, как и я, отнеслись к заверениям посла скептически. Я предложил сделать недвусмысленное заявление о том, что Соединенные Штаты ни в коем случае не потерпят размещения на Кубе ракет «земля-земля» или других видов наступательного оружия.

В тот же день, 4 сентября, президент Кеннеди, исходя из проекта, составленного заместителем министра юстиции Никласом Каценбахом и лично мной, опубликовал соответствующее предостережение, в котором указывалось на серьезные последствия подобных действий со стороны Советов.

Неделю спустя, 11 сентября, Москва выступила с публичным опровержением приписываемых ей намерений и заявила, что не видит надобности размещать ядерные ракеты где бы то ни было за пределами Советского Союза, включая Кубу.

В это же время одно важное лицо, принадлежащее к советскому посольству, вернулось из Москвы и вручило мне личное послание Хрущева президенту Кеннеди. Хрущев хотел, чтобы президент был твердо уверен в том, что ни при каких обстоятельствах ракет «земля-земля» на Кубу послано не будет.

Теперь, утром 16 октября, когда представители Центрального разведывательного управления разъяснили нам значение сделанных с самолета «У-2» снимков, нам стало ясно, что все советские заверения были ложью, – огромным сплетением лжи. Успокаивая президента Кеннеди, русские располагали на Кубе ракеты, продолжали перевозить их на своих судах, и уже приступили к постройке стартовых установок.

Донесения разведки

Всеми нами овладело чувство возмущения и недоумения. Хрущев нас обманул, но мы и сами себя одурачили. Ни один из членов правительства ни разу не указал президенту Кеннеди на то, что военная помощь, оказываемая русскими Кубе, может включать и ракеты. Президент неоднократно обращался к разведывательному управлению, запрашивая точную оценку положения, вытекающего для Соединенных Штатов из наращивания на Кубе военного потенциала. В 1962 году президенту было представлено четыре рапорта о положении на Кубе и в районе Карибского моря. В каждом из них, как и в прогнозе событий в национальном масштабе, разведывательные органы выражали мнение, что русские наступательным оружием Кубу снабжать не станут.

Последний рапорт перед собранием 16 октября был датирован 19 сентября. В нем президенту сообщалось, что, после всестороннего обсуждения и исследования вопроса, американская разведка пришла к заключению, что Советский Союз отнюдь не намерен превращать Кубу в стратегическую базу. В этом рапорте указывалось на то, что и в прошлом русские ничего подобного не предпринимали в сателлитных странах, а в данном случае они конечно знают, что риск репрессивных мер со стороны Соединенных Штатов слишком велик.

Позднее, анализируя события в прошлом, мы удостоверились в том, что кое-какие донесения с Кубы, поступившие в сентябре, уже содержали указания на наличие ракет. В большинстве случаев донесения бывали ошибочными. Некоторые наблюдатели, за недостатком опыта, принимали зенитные ракеты за ракеты класса «земля-земля». Но некоторые донесения, как потом оказалось, соответствовали действительности. Так, в одном из них, поступившем от бывшего служащего гостиницы «Хилтон» в Гаване, сообщалось о сооружении ракетной установки около Сан-Кристобалья. Автор другого донесения как-то вечером подслушал, как личный пилот Фиделя Кастро, в пьяном виде, хвастливо распространялся о том, что скоро придут на Кубу советские ядерные ракеты.

Но прежде чем принимать во внимание эти донесения приходилось проверять их вновь и вновь. Их даже не считали достаточно вескими, чтобы сообщать о них президенту или другим членам правительства.

Оглядываясь на прошлое, можно считать это ошибкой. Но из того же анализа прошлого следует, что Соединенные Штаты все равно ничего не могли предпринять до того самого времени, когда они фактически перешли к действию. Ведь до 16 октября даже имевшиеся в нашем распоряжении фотоснимки не были достаточно показательны, чтобы с помощью их убедить народы и правительства в наличии на Кубе наступательных ракет. Тем более недостаточно было донесений, передаваемых беженцами и не подкрепленных вещественными доказательствами.

Существенным остается тот факт, что ракеты все-таки были обнаружены, что страна и правительство узнали об этом еще до того, как они были приведены в боевую готовность, и что Соединенные Штаты своевременно смогли принять соответствующие меры.

Совещание правительства

Те же люди, что присутствовали в то утро на собрании в зале заседаний правительства, продолжали встречаться почти непрерывно в ближайшие двенадцать дней, и почти ежедневно – в последующие шесть недель. К этой группе людей, которая стала называться «исполнительным комитетом Национального совета безопасности», примкнули также: государственный секретарь Дин Раск, – министр обороны Роберт Макнамара, – директор Центрального разведывательного управления Джон Маккоун, – министр финансов Дуглас Диллон, – советник президента по делам национальной безопасности Мак Джордж Банди, – юрисконсульт при президенте Теодор Соренсен, – помощник государственного секретаря Джордж Болл, – заместитель помощника государственного секретаря Ю. Алексис Джонсон, – председатель Комитета начальников штабов генерал Максвелл Тэйлор, – заместитель государственного секретаря по делам Латинской Америки Эдуард Мартин, – Чип Боулен, отбывший после первого же дня во Францию, чтобы занять там пост посла, и замененный Ллевелином Томпсоном в качестве советника по русским делам, – Росуэл Джилпатрик, заместитель министра обороны, – Пол Нице, помощник заместителя министра обороны.

Роберт Макнамара, министр обороны США

Время от времени присутствовали на собраниях: вице-президент Линдон Джонсон, – посол при ООН Адлай Стивенсон, – помощник президента по особым делам Кен О'Донелл, – заместитель директора Информационного агентства Соединенных Штатов Дон Вильсон.

Это были те люди, которые встречались, разговаривали и спорили в те критические дни. Они представляли рекомендации, среди которых президент Кеннеди выбирал в конечном счете те, которым решал следовать.

Все они были люди большого ума, работоспособные, мужественные, преданные родине. То, что никто из них с начала до конца не оставался при одном мнении – несколько их не умаляет. Ценно было именно такое, незамкнутое в себе, непредвзятое умонастроение. У одних суждения менялись только слегка, получалось что-то вроде вариаций на ту же тему. Суждения

других менялись беспрерывно изо дня в день. Третьи, под влиянием событий, казалось и вовсе утрачивали способность к последовательному мышлению.

Вначале все единодушно решили, что – так или иначе – но предпринять что-то необходимо. Были, однако, и такие – хотя они составляли явное меньшинство – кто считал, что ракеты не нарушают равновесия сил и что поэтому наличие их на Кубе ответного действия не требует. Но большинство все же считало, что выход только один: атака с воздуха и разрушение стартовых установок.

Слушая их предложения, я передал президенту Кеннеди записку: «Теперь я знаю, что чувствовал Тодзио готовясь к нападению на Перл Харбор».

После собрания в зале заседаний совета министров мы с президентом пошли в его покои. Дело предстояло нелегкое. Риск был велик и на карту ставилось самое ценное и существенное. Однако президент знал, что так или иначе – действовать придется. Соединенные Штаты не могли примириться с тем, что предприняли русские. Какова будет наша реакция – еще оставалось решить, но уже с самого начала не могло быть сомнения в том, что как-то реагировать надо.

Стремясь к тому, чтобы совещания протекали как можно более непринужденно, и не желая привлекать внимание к себе, президент решил, что будет присутствовать не на всех собраниях комитета. Решение это было мудрым. В присутствии президента люди меняются и человек, даже с сильным характером, часто говорит то, что по его мнению соответствует желанию президента. Президент дал нашей группе задание выработать план действий, по возможности, не один, а несколько, – на выбор.

Мнение военных

В тот первый день – во вторник после обеда и вечером – мы начали с обсуждения проекта карантина, или блокады. Уже в среду самым убежденным защитником этого проекта оказался Макнамара. Доказательство его сводилось к тому, что действие блокады, оставаясь ограниченным, всегда может быть расширено в случае надобности. Вместе с тем, мера эта не лишена драматизма и определенной жесткости, а главное, она позволит нам сохранить контроль над событиями.

Позднее Макнамара еще укрепил свою позицию ссылкой на мнение Комитета начальников штабов, согласно которому, атака с воздуха, направленная исключительно на ракетные установки, – «хирургическая», как ее окрестили, – с военной точки зрения невыполнима. Любая военная операция неминуемо распространится на все другие военные сооружения на Кубе и в конечном итоге приведет к захвату острова. «Может быть – говорил он – мы до этого и дойдем, может быть обстоятельства заставят... Но не надо начинать с этого» – пока есть надежда избежать военного столкновения с Кубой и, неминуемого затем, – с Советским Союзом.

Доводом тех, кто предпочитал блокаде военную интервенцию, было убеждение, что блокада не уберет ракет с Кубы, не остановит даже работ по сооружению стартовых установок. Ракеты уже на Кубе и все, чего мы можем добиться посредством блокады, это «закрыть ворота конюшни после того, как лошадь из нее ускакала». Кроме того, преграждая путь советским судам, мы неизбежно вступим в конфликт с Советским Союзом, тогда как все наше внимание должно быть сосредоточено на Кубе и на Кастро.

Самым веским доводом этой группы было то, что блокада Кубы даст повод русским блокировать Берлин. Если же мы тогда потребуем удаления с Кубы ракет, то и русские тоже потребуют удаления ракет, окружающих Советский Союз.

Так мы спорили и мнения наши расходились. Люди ответственные, с головой, спорили и ссорились за будущее своей страны и человеческого рода. А время, между тем, медленно истекло.

На фотографиях, снятых в среду 17 октября, можно было видеть несколько новых площадок с шестнадцатью, а то и с тридцатью двумя ракетами, дальность действия которых превышала тысячу миль. Военные эксперты утверждали, что ракеты эти могут быть приведены в боевую готовность в недельный срок.

На следующий день, в четверг, разведывательные органы вычислили, что расположенные на Кубе ядерные ракеты представляют собой приблизительно половину всех межконтинентальных баллистических ракет (МКБР), которыми располагает Советский Союз. Фотоснимки показывали, что ракеты нацелены на ряд американских городов и по подсчету выходило, что через несколько минут после их запуска будет убито восемьдесят миллионов американцев.

Члены Комитета начальников штабов единодушно требовали немедленного открытия военных действий. Они настойчиво доказывали бесполезность блокады. Генерал Куртис Лемэй, начальник штаба воздушных сил, упорно старался убедить президента в необходимости военной операции. На вопрос президента, как же на нее будут реагировать русские, Лемэй уверял, что со стороны русских никакой реакции не последует. Но к этому президент Кеннеди отнесся скептически: «Они, так же как и мы, не могут оставаться безучастными к развитию событий. После всех своих заявлений, они не могут сложить руки смотреть на то, как мы овладеваем их ракетами и убиваем притом немало русских. Если они ничего не предпримут на Кубе, то в Берлине – непременно».

Президент прибавил, что признает обоснованность аргументов начальников штабов, сознает опасность все растущего на Кубе числа ракет, и понимает, что в случае нашего без-

действия, русские, убедившись в полном бессилии Соединенных Штатов, проявят вероятно инициативу в Берлине и в других частях света. И тогда предпринять что бы то ни было на Кубе будет поздно потому, что к тому времени ракеты уже будут готовы к действию.

Генерал Дэвид Шуи, командующий морской пехотой, резюмировал то, что все мы чувствовали, следующими словами: «Вы попали в скверную переделку, господин президент». Президент с живостью ответил: «И вы – со мной»! Все рассмеялись и, не приняв никакого решения, перенесли собрание на следующий день.

Немного погодя Макнамара, – хотя он и заявил перед тем, что несогласен с начальниками штабов и предпочитает блокаду военной интервенции, – сообщил президенту, что нужные самолеты и воинские части с их боеприпасами уже собраны и готовы вступить в действие совместно с бомбардировочной авиацией во вторник 23 октября, если президент решит именно так. По диспозиции, в первоначальной стадии операции, предусматривалось пятьсот вылетов, с целью нанести массированный удар по всем военным объектам, включая ракетные установки, аэродромы, порты и артиллерийские базы.

Я поддерживал позицию Макнамары в пользу блокады. Не потому, что был как-то особенно глубоко убежден в ее целесообразности, а потому, что она допускала, как мне казалось, большую гибкость в действиях и заключала в себе меньший риск. А главное, я, как и другие, не мог примириться с мыслью, что Соединенные Штаты без предупреждения забросают бомбами Кубу и что тысячи и тысячи мирных жителей при этом погибнут. Может быть, у нас и не было лучшего выбора, но я просто не мог вообразить Соединенные Штаты в такой роли.

* * *

На наши собрания стал приходить и бывший государственный секретарь Дин Ачесон. Он был убежденным сторонником воздушной атаки. Я был большим поклонником Ачесона. В 1961 году президент Кеннеди поручил ему сделать доклад Национальному совету безопасности с предложениями мер воздействия на русских, угрожавших Берлину. Слушая этот доклад я тогда подумал, что никогда прежде не слыхал такого ясного и убедительного изложения, и что ни за что не хотел бы оказаться его оппонентом в споре. А теперь он доказывал, с такой же ясностью, так же блестяще, что у нас только один выбор: воздушная атака и вторжение на остров. Он говорил, что президент Соединенных Штатов ответственен за безопасность американского народа и всего свободного мира, что он обязан принять ту единственную меру, которая может безопасность эту обеспечить, а именно – разрушение ракет.

Я возразил, не без волнения, что каковы бы ни были военные и политические доводы, заставляющие предпочитать военную интервенцию блокаде, традиция и история Соединенных Штатов этого не позволяют. Какие бы ни приводились военные и прочие аргументы, все они сводятся, в конечном счете, к оправданию нападения великой державы на малую. На это – говорил я – Соединенные Штаты не могут согласиться, если хотят сохранить моральный авторитет и у себя дома и во всем мире. Наша повсеместная борьба с коммунизмом не сводится к одной только борьбе за физическое существование. На карту поставлено наше наследие, наши идеалы, и мы не вправе их предавать.

Визит Громыко

В первые пять дней мы потратили больше времени на обсуждение нравственной стороны вопроса, чем на все другое. Время от времени возникали разные предложения: то письменно предупредить Хрущева за 24 часа до начала бомбардировки, то написать лично Кастро, то забросать Кубу листовками с перечислением объектов предстоящей атаки, – но все эти проекты отставались один за другим, по соображениям военного или иного порядка. Каждый отстаивал свое мнение, спорил с другими и с собственной совестью, потому что вопрос этот каждого глубоко волновал.

В самом разгаре этих споров президенту нанес визит Андрей Громыко. Свидание было назначено задолго до того, как были обнаружены ракеты, и президенту казалось, что аннулировать его неловко. Он колебался, сообщить ли советскому министру иностранных дел, что ракеты обнаружены или не сообщать, и в конце концов решил, что лучше не сообщать, пока мы не установили окончательного плана действий, чтобы инициатива не перешла к русским. Он решил просто выслушать то, что скажет Громыко.

Они встретились в среду, к концу дня, в кабинете у президента в Белом Доме. Громыко начал разговор с предложения, чтобы Соединенные Штаты перестали угрожать Кубе. Все к чему Куба стремится – сказал он – это мирное сосуществование. Ее нисколько не интересует экспортировать свой режим в другие страны Латинской Америки. Куба, как и Советский Союз, жаждет только мира.

Премьер-министр Хрущев поручил ему, Громыко, уведомить президента о том, что вся оказываемая Кубе помощь состоит в поставке оборудования для сельского хозяйства и обработки земли, чтобы кубинцы могли себя прокормить. К этому прибавляется небольшое количество оборонительного оружия. Ввиду шума, поднятого вокруг этого в американской печати, Хрущев считает нужным настоятельно подчеркнуть, что Советский Союз не станет ни при каких обстоятельствах снабжать Кубу оружием наступательным.

От имени Советского Союза и премьер-министра Хрущева, Громыко закончил призывом к Соединенным Штатам и к президенту Кеннеди, способствовать ослаблению напряженности в отношениях с Кубой.

Президент Кеннеди слушал его удивленно, в какой-то мере даже восхищаясь таким апломбом. Твердо, но все же учитывая провокацию, и потому – очень сдержанно, он ответил, что напряженность поддерживают не Соединенные Штаты, а Советский Союз. Тот факт, что Советский Союз снабжает Кубу оружием, глубоко задевает американский народ, и сам президент очень озабочен. Полагаясь на личные заверения Хрущева, он публично выступил против интервенции, но вот, положение становится все более и более опасным.

Громыко повторил, что единственная цель СССР – «снабжать Кубу хлебом и предотвратить голод в этой стране». Что же касается оружия, то Советский Союз послал всего лишь несколько специалистов, чтобы обучить кубинцев обращаться с кое каким вооружением, исключительно оборонительным. Он сказал, что подчеркивает слово «оборонительное», что никакое оружие, поставленное Кубе не представляет угрозы Соединенным Штатам.

Президент ответил, что не может быть никакого сомнения относительно позиции Соединенных Штатов, что позиция эта была изложена Советскому Союзу в разговорах министра юстиции с советским послом Добрыниным, а также в публичных выступлениях самого президента. И во избежание недоразумений, президент прочел вслух свое заявление от 4 сентября, в котором ясно было сказано, что размещение Советским Союзом ракет или другого наступательного оружия на Кубе, повлечет за собой самые серьезные последствия.

Громыко заверил президента, что этого никогда не будет и что Соединенным Штатам не о чем беспокоиться. Коротко коснувшись некоторых других вопросов, Громыко простился.

Я заглянул мимоходом в Белый Дом вскоре после ухода Громыко. Должен сказать, что от разговора с представителем Советского Союза у президента Соединенных Штатов осталось впечатление малоприятное.

Решение о блокаде

В четверг вечером, большая часть нашей группы высказалась в пользу блокады. В тот же вечер, примерно в четверть десятого, наш комитет переправился из государственного департамента в Белый Дом. Чтобы длинная вереница машин не привлекла к себе внимания, мы все разместились в моем автомобиле: Джон Маккоун, Максуэл Тэйлор, водитель и я сам – плотно стеснились на переднем сидении, а шестеро остальных – сзади.

Д. Кеннеди на совещании в Белом доме, октябрь 1962 года

Мы изложили президенту наши рекомендации. В начале казалось, что собрание протекает в порядке и вполне удовлетворительно, но, по мере того как присутствующие высказывались, по мере того как президент задавал вопросы, требовавшие уточнения, мнения снова начинали меняться, причем по вопросам не только второстепенным. Некоторые переходили от одной крайности к другой: начинали с того, что защищали план атаки с воздуха, а покидая Белый Дом, предлагали отказаться от всякого действия вообще.

Президент, вовсе не удовлетворенный, предложил нам возобновить совещания, а сам вернулся к установленному расписанию времени и к своим предвыборным обязательствам, так как малейшее отклонение от них могло бы вызвать подозрения.

На следующее утро, на собрании в государственном департаменте, между нами снова возникли острые разногласия. Стало сказываться напряжение бессонных ночей. Но даже много лет спустя, такие проявления человеческой слабости, как нетерпимость или вспышки гнева, кажутся вполне законными. Ведь от каждого из нас требовалось, чтобы он ответил на вопрос, от которого зависело будущее всего человечества, чтобы он внес предложение, которое, если будет принято и окажется ошибочным, повлечет за собой истребление человеческого рода.

Такая ответственность странно отражается на людях, даже на людях опытных, зрелых, блестящих, вполне уверенных в себе. В одних проявляются такие черты и качества, о присут-

ствии которых они и сами не подозревали, других это напряжение подавляет и они не выдерживают его.

Положение осложнялось еще и тем, что решения самоочевидного и простого не было, и быть не могло. Категоричность, уверенность в своей правоте – были здесь просто немыслимы. Каждая позиция имела свои слабые стороны, и те, кто ее оспаривали, подчеркивали именно эти ее стороны, и часто обличали ее несостоятельность.

В конце концов мы установили метод работы, который должен был позволить выработать и представить президенту разумно обоснованные рекомендации. Мы знали, что время уходит и что больше медлить нельзя. Мы разделились на две группы с тем, чтобы каждая из них письменно изложила свои предложения, начиная, в общих чертах, с обращения президента к американскому народу, и кончая перечислением дальнейших мероприятий, учитывая при этом возможность непредвиденных обстоятельств и предлагая меры, чтобы быть готовыми к любому из них.

В начале второй половины дня, мы обменялись разработанными планами и каждая группа занялась анализом и критическим разбором предложений другой группы. Затем документы шли обратно к составившей их группе, которая пополняла их, принимая во внимание критические замечания.

Постепенно из всего этого стали выступать контуры окончательных планов. Группа, стоящая за блокаду, выдвигала юридические обоснования ее, устанавливала календарь созыва Организации американских государств, предусматривала роль ООН, уточняла процедуру задержания судов и те обстоятельства, при которых пришлось бы применить силу.

Вторая группа, стоящая за безотлагательную интервенцию, перечисляла зоны предполагаемых военных действий, выдвигала аргументы для оправдания нашей позиции в ООН, советовала, как обеспечить себе поддержку стран Латинской Америки, и предлагала послать ноту Хрущеву, убедительно советуя ему воздержаться от военного вмешательства в районе Карибского моря, в Берлине, или где бы то ни было.

Во время всех этих обсуждений мы общались на равных. О рангах было забыто, у нас даже не было председателя. Дин Раск, который в качестве государственного секретаря мог претендовать на эту должность, был занят другими делами и часто не имел даже времени присутствовать на собраниях. В результате, с поощрения Макнамары, разговоры велись совершенно свободно и непринужденно. Каждый одинаково имел возможность высказаться и быть услышанным. Такой метод работы заключал в себе огромные преимущества. Он не часто применяется в правительственных исполнительных органах, где ранг играет столь значительную роль.

* * *

Мы совещались в пятницу целый день и весь вечер. А в субботу, рано утром, мы опять собрались в государственном департаменте. В течение пятницы я несколько раз беседовал с президентом. Он надеялся, что сможет встретиться с нами своевременно, чтобы принять решение и сообщить о нем по радио американскому народу в воскресенье вечером. В субботу утром, в десять часов, я позвонил президенту в гостиницу Блэкстоун, в Чикаго, и сообщил, что мы готовы к встрече с ним. Отныне решать предстояло ему самому. Никакой комитет решения принять не мог. Президент отменил свою поездку и вернулся в Вашингтон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.